

Уроки экофилологии

Писатели В.В. Розанов и В.Т. Шаламов
о сбережении русского языка

© А.Т. ХРОЛЕНКО,

доктор филологических наук

Анализируются статьи В.В. Розанова и В.Т. Шаламова о путях сбережения родного языка. Обсуждаются уроки экофилологии, преподанные нам русскими писателями.

Ключевые слова: язык художественной литературы, газетный язык, язык науки, экофилология.

DOI: 10.31857/**РЫБА**!!6190000355-6

The article contains the analysis of V.V. Rosanov's article and V.T. Shalamov's one concerning the methods that preserve the mother tongue. There is a description of the discussion dedicated to eco-philological lessons that have been offered to us by Russian writers.

Keywords: the language of fiction, the newspaper language, the language of science, eco-philology.

Недавно на стол читателя почти одновременно легли две статьи, тематически весьма близкие, посвященные вопросам экологической филологии. В них речь идет об угрозах русскому языку, о бедах родной речи, о способах их защиты. Статьи были написаны двумя русскими писателями и отделены друг от друга семьюдесятью годами двадцатого века.

Одна публикация — сравнительно небольшая заметка В.В. Розанова «Художественное изучение русского языка» (1901), другая — достаточно развернутая статья В.Т. Шаламова «Болезни языка и их лечение» (1971). Поскольку авторы — писатели, их суждения касаются прежде всего языка художественной литературы, однако по сути высказанные соображения можно отнести ко всем формам языка.

Отмечая место древнегреческого языка в российском гимназическом образовании, Розанов так формулирует свое художественное кредо: считаю безусловным требованием образования и образованного человека — это знание своего родного языка. Мы русские, а потому отличное знание русского языка есть неперемненное условие русского классического

образования. Розанов вспоминает свой учительский опыт, когда ему пришлось, за отсутствием штатного учителя, преподавать русскую грамматику в третьем классе гимназии.

Опыт преподавания с опорой на существующую педагогическую традицию и учебную книгу известного методиста оказался совсем не впечатляющим и привел новоиспеченного словесника к ответу на вопрос, из чего складывается отличное знание родного языка. Его совет: поступать так, как поступали древние афиняне: знать, владеть, понимать и чувствовать родной язык, а не анатомировать и не классифицировать его элементы. Древние греки потому хорошо знали родную речь, что «вечно говорили, обращались друг к другу, смеялись, остряли, а толпа смехом или удивлением критиковала их, поощряла даровитых, мучила бездарных». Все они думали над языком и вникали в язык — в этом секрет того, как знать родной язык.

По мнению Розанова, первыми шагами к достижению цели могла бы стать массовая практика сочинения стихов школьниками. Написавший «плоховатое восьмистишие» напишет страницу весьма недурной прозы. От маленького поэта к большому читателю — путь весьма достойный. Пробудить в учащихся и в остальных гражданах «эллинистическое языческое отношение к стихии родного слова, к глыбе обработанного, но не окончательно обработанного русского словесного мрамора» — главная экофилологическая задача общества [1].

Статья Шаламова «Болезни языка и их лечение» была написана в 1971 году для «Литературной газеты». Рукопись хранит множество поправок самого автора и редактора, однако опубликована не была и только вот в 2016 году увидела свет в составе совершенно необычного для автора «Колымских рассказов» сборника литературоведческих работ «Всё или ничего: Эссе о поэзии и прозе» [2].

Статья начинается категорическим утверждением: «Борьба Корнея Чуковского с канцеляритом окончилась полной победой канцелярита». И это несмотря на то, что замечательный писатель и одновременно литературовед обладал талантом полемиста, был страстным обличителем, имел необходимые знания и безупречный вкус к русскому слову. Через несколько страниц Шаламов повторяет свой полемический вывод: бесплодные попытки Чуковского в борьбе с канцеляритом были заранее обречены на поражение, и пытаются объяснить причины постигшей неудачи. По мнению автора, неудачи в экофилологических баталиях постигли не только Чуковского, но и многих других публицистов, энергичные выступления которых с использованием телевидения и кино, не имели ни малейшего успеха, не оказали какого-либо влияния на развитие современного русского языка.

Судьба национального языка зависит от состояния четырех речевых сфер — народной, газетной, научной и художественно-литературной.

Будучи писателем, а потому по определению ревнителем языка художественной литературы, Шаламов основное внимание уделяет первым трем речевым сферам, оценивая их потенциальные возможности в смысле обогащения языка художественной литературы. Из рассмотрения фактически выпадает так называемый народный язык. С большим сожалением писатель констатирует, что эта речевая сфера, столь заметная еще в XIX столетии, в XX веке почти исчезла. Народный язык в дни писателя уже не имел такого значения для художника слова, как в прошлом веке, а потому роль народной речи в обновлении языка резко ослаблена. Современный литературный язык, пишет Шаламов, может обогащаться только в городах. Урбанизация резко изменила процессы развития языка. Новый язык в деревнях не рождается.

Каждая из трех оставшихся речевых сфер — сферы науки, массовой информации и художественной литературы — обнаруживает, с одной стороны, значительный языкотворческий потенциал, а с другой, неоспоримые ограничения в том, чтобы стать доминантной в развитии национального, в том числе и литературного языка.

Вторая половина XX века — время научной революции, которая, по словам Шаламова, «разрывает рамки понятий гуманитарных факультетов». Наука требует других слов для своего выражения, а художественная литература не успела подготовить достаточно эффективного словаря, чтобы отразить процессы, происходящие в науке, и натолкнуть ее на новые открытия. Современная научная революция в языке художественной литературы почти не выражена.

Ученые пытаются освоить речевые ресурсы языка художественной литературы. Шаламов замечает, как ведущие ученые обращаются к художественным текстам, чтобы в искусстве, в поэзии найти новые научные идеи, озарения, советы. Отсюда «вездесущие цитаты» из Гете, Данте, Джона Донна, Льюиса Кэрролла, которые стали литературной модой для многих научных трудов. Однако это обращение к текстам художественной литературы может подкрепить мысль ученого, но не обогатить его язык. Научная речь может поделиться с писателем некоторым количеством научных и технических терминов, но не в состоянии кардинально улучшить художественную речь в целом.

Для неискушенных читателей научная статья — образец письма. Статья-сообщение предстаёт высшей формой литературного творчества. Научные статьи преподносятся читателю как последнее слово людей, которым читатели еще верят. Вот почему, по мысли Шаламова, язык, которым пользуется девяносто процентов работников науки, входит в читательскую речь, в их быт. В этом Шаламов видит опасность, поскольку далеко не всякий ученый — хороший писатель. Тот скудный язык, которым владеет ученый, — его беда, а не вина. Язык науки слишком скуден, чтобы передать свои же возможности. В этом причина того, что он отстает от требований современности.

То, чего боялся Шаламов, не только сохранилось, но и усилилось в наши дни. Сформулировать, что такое хорошо в научной речи, просто, ведь определен же канон научного стиля — ясность, простота, краткость, точность, терминологическая определенность, — но очень непросто этому канону следовать. Вот почему так много заметок, статей и даже книг о недостатках современной научной речи. Указывают на наукообразие и псевдонаучный стиль, на схоластическое изложение, на так называемый птичий язык, высмеивают перлы научного жаргона, приводят примеры терминологического бескультурья, образцы малопонятных неологизмов, претендующих на роль терминов, сетуют по поводу злоупотреблений заимствованиями. Следствием всего перечисленного является отсутствие лаконичности, господство неудобоваримых предложений, громоздких конструкций с множеством придаточных предложений и вставных оборотов. К великому сожалению, симптомы болезни научного дискурса обнаруживаются даже в основополагающих работах.

Причины болезни языка науки таятся в том, что люди, вошедшие в науку, обладают весьма жалкими навыками текстообразования. Есть шуточная классификация ученых: ученый божьей милостью, ученый с божьей помощью и ученый по божьему попущению. Поскольку наука в наши дни стала одной из самых массовых профессий, то удельный вес ученых второй и третьей категории весьма велик. Претензий к современной научной прозе настолько много, что коротких заметок и публицистических выступлений уже недостаточно. В свет выходят научные монографии, целиком отведенные под критический анализ недостатков письменной научной коммуникации. Так, сравнительно недавно была опубликована книга Р.Л. Лившица «Оптимальный тупик, или Как не следует писать научные труды». Так что опасения Шаламова в адрес языка науки не были безосновательными.

Интересно мнение Шаламова о том, что наука и искусство, включая художественную литературу, настолько разные человеческие начала, что никакого объединения между ними быть не может. Это разные миры, а потому они «не должны теснить друг друга». Свой тезис о несводимости двух начал писатель сформулировал так: «Ломоносов был ученым, а не поэтом. Пушкин был поэтом, а не ученым. Искусство ничего не теряет в общении с наукой, поскольку развивается по особым законам, не сводимым к правилам массовой статистики. Вот почему в искусстве ничего предсказать нельзя и почему такой сказочник, как Андерсен, мог появиться в крошечной Дании». И тем не менее речевые сферы сопрягать необходимо.

Шаламов указывает на семь точек соприкосновения сфер художественной и научной речи. Это (1) стремление отразить происходящее в науке классическими средствами изображения; (2) написание текстов на научно-популярные темы, включая биографии деятелей науки; (3) внимание к жанру научной фантастики, хотя эта литература, по мнению писателя, паразитирует «на подлинных сказочных успехах реальной науки в

наши дни»; (4) использование самих принципов науки как борьбы идей для того, чтобы поднять свое собственное творчество на высший уровень; (5) пропаганда новых научных идей, участие в дискуссиях на самом высоком уровне; (6) создание в свете современных научных идей собственной литературы новой формы в духе Чехова, Пруста или Фолкнера; (7) использование новых идей, вроде структурализма. Сближаясь с наукой, постигая ее средствами искусства, вырабатывая новые средства и новые формы выражения, не надо бояться каких-то потерь. «Память — это такой кинофильм, которым никакая кибернетика не сможет управлять».

Столь же придирчиво Шаламов рассматривает возможную связь речевых средств массовой коммуникации с языком художественной литературы. Писатель убежден, что газетный язык — это то основное русло, источник, откуда идет обновление речи. Хотя в газетах, пишет автор статьи, все еще встречаются штампы, речевой облик газет меняется в лучшую сторону. Если сравнить русский язык в 20-е и в 50-е годы двадцатого столетия, то газетный язык резко улучшился, столь же резко ухудшился язык художественной литературы. Если язык средств массовой информации влияет на художественную речь, то естественной точкой приложения сил должна стать забота о газетном языке. Бой неграмотности, формулирует писатель, должен быть дан именно в улучшении газетной речи.

Нельзя упускать из виду, что газетная речь — это не только источник обогащения языка, но и канал, по которому в речь входит основной массив иноязычных слов и иного речевого мусора. Памятуя об этом, следует на помощь призвать Академию наук, которая должна стать своеобразным «фильтром грубой очистки». Задача Академии наук, по образному замечанию Шаламова, — «вести половодье языка в спокойные берега, где вода будет пользоваться и правом водопада, и правом плеса». Формами тактичного управления языковыми процессами должна оставаться лексикография — единый Академический словарь и многочисленные словари газетного языка. Пересмотры Академического словаря должны производиться как можно реже, и работать с ним должно небольшое количество «самых узких специалистов, тончайших знатоков языка и его проблем». А вот издание словарей газетного языка должно быть ежегодным, «а то и два раза в год». Речь средств массовой информации должна быть под постоянным контролем, цель которого — наводить порядок, отсекаать уродливое и осветить удачное.

И никаких реформ! Исходный тезис писателя гласит: «Язык не зависит от языковеда». Реформа правописания, твердо, бескомпромиссно проведенная в 1918 году большевистским правительством, задолго готовилась в дореволюционных академических кругах. Спустя несколько десятилетий после упразднения букв «ять» и «твердый знак» можно признать, считает Шаламов, что потеря этих букв принесла заметный ущерб языку, обеднила его. Затруднились не только переводы с чужого языка, но и переиздание классиков. Звук «е» в слове «лес», по Шаламову, звучит иначе, чем в

слове «мелкий». Твердый знак в конце слова в ряде случаев имел достаточное звуковое обоснование. В последней по времени реформе, полагал писатель, пропало слово «неважный», имевшее определенный смысловый заряд. Слово «втупик» — самостоятельное слово, ничего общего не имеющее с двумя словами «в тупик». Отмечаются и другие примеры неудачного вмешательства Академии наук в современный язык, когда «шпага в руках корректора обращается в дубину питекантропа».

Всем субъектам экофилологии — государству, обществу, Академии наук — следует помнить, что язык обновляется по тем же самым законам, что и во времена Гомера, уловившего в плеске волн ритм гекзаметра. Законы остались те же, настаивает Шаламов. Язык — это «вечно бурлящее море, вечно обновляющиеся волны, меняющийся чертеж берегов».

Экофилологические заботы не мыслятся без устойчивого идеала языка и речи. По мысли писателя, пути обновления языка лежат в возвращении к лаконизму, к точности пушкинской фразы, чтобы новая проза стремилась к сближению очерка и рассказа, к сочетанию «тончайшей ткани художественности» с «полной ответственностью документа». В идеале это должна быть «проза, пережитая как документ».

В заключительной части своей статьи Шаламов вопрошает себя как художника слова: «Так кто же писатель? Хранитель традиций языка или новатор, создающий новые модели? Носитель языка или его сторож? Разведчик, вводящий в язык дух современной эпохи, экспериментатор, испытывающий новые модели, или случайный командир арьергардных боев литературы? Строитель плотины, защищающий язык от размывов половодья?». Трудно отделаться от мысли, что этот вопрос обращен к каждому равнодушному носителю русского языка. Кто же мы? По сути, это главный вопрос к экофилологии, уроки которой нам преподали Розанов и Шаламов.

Литература

1. *Розанов В.В.* Художественное изучение русского языка // Розанов В.В. Полное собр. соч. В 35 т. Серия «Литература и искусство». В 7 т. Т. 3. О писательстве и писателях. СПб., 2016. С. 52–54.
2. *Шаламов В.Т.* Болезни языка и их лечение // Шаламов В.Т. Всё или ничего: Эссе о поэзии и прозе. СПб., 2016. С. 31–48.

Курский государственный университет